

Содержание

1	УМА ДЖА	15
2	МЭГГИ АТКИНСОН	69
3	ДЖОРДЖ ЛЕННОН	107
4	АЙЛИН БЛЕНКХОРН	151
5	ГОРДОН ХАРПЕР	199
6	МАНИШ ДЖА	239
7	ХЕМА ДЖА	281
8	СЬЮЗЕН МАРВИС	327
9	АЛАКА ДЖА	377

Посвящается моей сестре Кэти.
И Памеле.

КТО УБИЛ АЛАКУ ДЖА?

НЕРАСКРЫТАЯ ТАЙНА УБИЙСТВА ЖУРНАЛИСТКИ ПО-ПРЕЖНЕМУ ПРЕСЛЕДУЕТ ЖИТЕЛЕЙ ХАДЛИ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ.

**БЕН ХАРПЕР
18 СЕНТЯБРЯ**

Тридцать лет назад неизвестный забил до смерти журналистку “Ричмонд таймс” Алаку Джа. Дело остается нераскрытым и по сей день.

Поздно вечером в пятницу Алака остановила машину на небольшой площадке в Хадли-хилл, в двух с небольшим милях от своего дома в Ортоне. Она заглушила двигатель, вынула ключи из замка зажигания и сунула их в карман куртки. Позже полиция не обнаружила никаких механических неисправностей, но по какой-то причине Алака все же вышла из своей “ниссан микра”.

Убийца поджидал ее в лесополосе у обочины. Когда он нанес удар, Алака рухнула назад — через открытую водительскую дверь — на переднее сиденье своей машины. Она скончалась от тупых травм головы,

вероятнее всего нанесенных гаечным ключом или домкратом. Несмотря на масштабные поиски, оружие убийства так и не было найдено. Сумочку обнаружили рядом с телом, ее содержимое, судя по всему, не тронули. Признаков сексуального насилия не обнаружили.

Алаке было тридцать пять. У нее остались муж, профессор Маниш Джа, и дочь Ума.

На этой неделе, в тридцатую годовщину смерти ее матери, я встретился с доктором Умой Джа в редакции “Ричмонд таймс”. Она по-прежнему ищет ответы на множество вопросов, оставшихся после гибели матери.

“Я никогда не перестану надеяться узнать правду, — сказала она мне. — После стольких лет я хочу именно сейчас добиться для мамы справедливости. Я верю, что даже спустя столько времени кто-то должен что-то знать. Тридцать лет назад им могло быть трудно решиться заговорить, но никогда не поздно поступить правильно”.

К нам присоединился Сэм Харди, редактор газеты. “Алака проработала в «Ричмонд таймс» одиннадцать лет, получила множество наград и дослужилась до старшего репортера. За год до смерти она привлекла внимание к делу Фионы Николс. Убийство бывшей служащей военно-морских сил, совершенное ее многолетним партнером Эваном Литлвудом, потрясло все наше сообщество юго-запада Лондона”.

Осужденный за убийство, Литлвуд погиб двумя годами позже в тюрьме в результате поножовщины.

“После этого дела Алаку буквально завалили душевраздирающие письма от других женщин, живших в страхе перед своими партнерами, — продолжил Харди. — Когда Алака пришла ко мне и сказала, что

самый опасный мужчина, с которым сталкивается женщина, — это ее муж, я был потрясен. Трагедия в том, что это так и по сей день. Алака решила посвятить свою работу женщинам, чьи мужья управляли их существованием и контролировали его. Она дала голос тем, чья жизнь проходила в молчании и страхе”. Алака провела серию анонимных интервью с женщинами, страдавшими от насилия и принуждающего контроля со стороны партнеров. Ее статьи привлекли внимание читателей по всей стране. В день своего убийства она провела еще одно — последнее — интервью с неизвестной женщиной из Хадли.

Ума Джа призывает всех, у кого есть хоть какая-то информация, откликнуться. Не вернулся ли в тот вечер кто-то из членов вашей семьи домой неожиданно поздно? Или, возможно, ваш друг выглядел растрепанным и рассеянным? Важна каждая мелочь — любая деталь может помочь пролить свет на дело, которое ставит полицию в тупик уже тридцать лет.

“Меня ужасает мысль, что мама, возможно, пожертвовала собой, пытаясь помочь другим женщинам”, — сказала Ума Джа. Прожив значительную часть взрослой жизни вдали от Юго-Западного Лондона, доктор Джа вернулась вместе с мужем, Эдвардом, в начале прошлого года, чтобы ухаживать за больным отцом. “То, что я росла без матери, невероятно сильно на меня повлияло. Ее убийство тридцать лет назад затронуло не только меня, но и бесчисленное множество других людей. Снова и снова я спрашиваю себя, не скрывал ли свидетель последние три десятилетия — сознательно или неосознанно — личность убийцы моей матери. Эта мысль до сих пор мучает меня почти каждый день. Я уверена, что этот секрет терзает и других”.



УМА ДЖА

*“Уме казалось, будто для него ничего
не существовало за пределами
кабинета — даже ее самой”.*

Она стояла перед зеркалом в ванной, прижав пальцы к легким морщинкам, которые в последнее время появились в уголках глаз. В следующем месяце ей исполнится тридцать пять — столько же было ее матери, когда та погибла. Были ли у нее такие морщинки? У Умы никак не получалось вспомнить. Отец мог бы знать, и будь Маниш Джа другим отцом, Ума, возможно, спросила бы его. На протяжении всего ее детства Маниш едва произносил имя жены. Поглощенный горем, он ушел в академический мир, где находил единственное утешение. Уме казалось, будто для него ничего не существовало за пределами кабинета — даже ее самой. Единственную отдушину ей давало время, проведенное с тетей Хемой: она помогала той растить своих двух младших двоюродных братьев.

Ума отвернулась от зеркала и прошла в спальню. Под нижним краем оконных жалюзи был спрятан золотой ключ, которым заводились ее изящные старинные часы. Каждое утро она совершала этот ритуал — семь оборотов, пока часы не будут полностью заведены. Эта семейная реликвия, ярко раскрашенная, с расписанным вручную циферблатом была подарком от тети

после свадьбы прошлым летом. К часам не прилагалось записки — вообще ни единого иного слова по поводу церемонии, на которую тетю Хему не пригласили. После десяти лет вместе ни Ума, ни Эдвард не хотели пышного торжества. Из родственников она пригласила только отца. Стоило ей тогда на мгновение задуматься о более крупном празднике, сама мысль о вечеринке с тетями, дядями, двоюродными братьями и сестрами и их многочисленным потомством ее ужаснула. Через неделю после того, как подарок пришел, она написала тете письмо от руки, но за прошедший год больше ничего от нее не получала.

Живя вдали от Лондона, было легко забыть о прошлом — о детстве, о семье, о гибели матери. В восемнадцать Ума сбежала из родного города. Отучившись в Эдинбурге, она два года проработала врачом в частной клинике в горной Шотландии. Вместе с Эдвардом она переехала в его родной Лимингтон. Но затем, в начале прошлого года, пришел диагноз — у ее отца рак, и семейная преданность Умы оказалась удивительно сильной.

Она перекачивала в ладони маленький золотой ключ. Вернувшись в Лондон, чтобы ухаживать за отцом, она пыталась постепенно заполнять пропасть в их отношениях. Одновременно в ней появилась новая решимость — взглянуть в лицо всему, что было раньше. А вместе с этим пришло острое желание докопаться до правды о гибели матери — какой бы эта правда ни оказалась и что бы она для нее ни значила.

Пятница

Глава 1

Тебе не кажется, что было бы проще пойти в твой кабинет? — спрашивает Сэм, перегнувшись через мое плечо; мы сидим за моим маленьким кухонным островом. Я поднимаю глаза от ноутбука, но ничего не отвечаю.

— Никто не ждет от тебя технических подвигов, Бен, — продолжает он.

На старом диване у дальней стены смеется моя девушка Дэни.

— Отстань от него, Сэм. Он старается.

— Я вполне способен загрузить статью на сайт.

— Как знаешь. Не хочется, чтобы что-нибудь пошло не так в твою смену.

Следующие две недели я буду руководить крупнейшим новостным сайтом Великобритании. На прошлой неделе моя начальница и дочь Сэма, Мадлен Уилсон, легла на лечение в клинику Прайори. Выпив за день целую бутылку японского виски “Ямадзаки”, она поняла, что ее жизнь стремительно катится под откос. Уходя, предупредила меня не слишком привыкать к креслу начальника.

После того как стало приходиться днями, а то и ночами напролет держать в голове кучу дедлайнов, я уже понял, что насчет этого она может не беспокоиться. А с учетом того, что Дэни вот-вот должна родить нашего первенца, я уже считаю дни до момента, когда смогу отдать бразды правления.

— Не переживай, все под контролем.

Я ввожу пароль, загружаю статью и нажимаю “опубликовать”.

— Посмотри в телефон, — говорю я Сэму, — статья уже вышла.

— Уже? — отвечает он, обновляя экран. — И правда, вот она. Ты просто чудо.

— Когда начальник — ты, все происходит очень быстро. Дэни снова смеется.

— Сэм, только не дай власти ударить ему в голову.

— Да, смотри, вот она, — говорит тот, поднимая телефон и протягивая его ей.

— Первый материал “Ричмонд таймс” для мировой аудитории, — замечает она.

Сэм — владелец и главный редактор нашей местной газеты, и этот пост он занимает уже больше сорока лет. Он журналист старой школы, и его стремление рассказать самую лучшую историю за это время ничуть не ослабло.

— У нас вообще-то есть свой сайт, — говорит он Дэни.

— Конечно, — отвечает она, бросив взгляд в мою сторону, — но это первая статья “Ричмонд таймс” на сайте Мадлен.

Он улыбается Дэни и шепчет достаточно громко, чтобы я услышал:

— Не считаю журналистикой что-то, что нельзя поддерживать в руках. Статья хорошая, спору нет, но начать свою жизнь она точно должна была в печати.

Два дня назад я написал для первой полосы “Ричмонд таймс” материал об убийстве ведущей журналистки газеты, Алаки Джа. Три месяца назад дочь Алаки, Ума Джа, связалась с Сэмом и попросила того помочь использовать тридцатую годовщину смерти ее матери как повод поискать новые улики по делу. Сэм, который всегда утверждал, что однажды докопается до правды о том, что случилось с его близкой коллегой и подругой, согласился. Он попросил меня о помощи, и я, как главный журналист-расследователь нашего новостного сайта, с готовностью принял этот вызов. За последние недели я провел много часов с Умой и понял, насколько твердо та намерена добиться справедливости для своей матери, и теперь разделяю их с Сэмом стремление раскрыть правду. Мы надеемся, что публикация статьи — сначала в “Ричмонд таймс”, а теперь и на нашем сайте для мировой аудитории — поможет найти новых свидетелей преступления.

— “Хорошая” — и только? — спрашиваю я у Сэма.

Тот поднимает руки.

— Очень даже неплохая, это я признаю, но давай посмотрим, какой отклик она вызовет. Мадлен считает, что реакция может пойти почти сразу после публикации.

— Да что ты?

Он устраивается на подлокотнике дивана.

— Может быть, я упомянул о статье вчера вечером, когда навещал ее. Просто вскользь, не более того, — уверяет он меня.

— Ты знаешь правила: никаких разговоров с Мадлен о работе. Ты ходишь к ней, чтобы поддержать ее как член семьи, а не обсуждать новости.

Шесть месяцев назад Мадлен оказалась в руках жестокого похитителя, который держал ее в заложницах больше трех суток. Все это время мы с Сэмом отчаянно

пытались ее освободить. После побега, несмотря на первоначальную браваду, в ее жизнь просочились страх и неуверенность; алкоголь стал для нее единственным способом справляться с реальностью. И хотя он никогда в этом не признается, страдания дочери сказались и на Сэме. Он начал сбавлять обороты. Ему семьдесят пять, он по-прежнему живет своей работой, но я вижу, как она теперь его выматывает. И все же отступать он не намерен.

— Мадди любит быть в курсе событий, — говорит он. — Она живет работой.

— Не она одна, — отвечаю я.

В этот момент Дэни закрывает глаза и морщится. Повернувшись на бок, она прижимает ладонь к пояснице. Я вскакиваю на ноги.

— Давай принесу тебе еще подушку.

Она отмахивается.

— Пару раз пнул, не больше. Сейчас малыш успокоится.

— Да, перестань суетиться, Бен, — добавляет Сэм, подмигнув.

— Даже не пытайся сменить тему.

С родным отцом я не общаюсь сколько себя помню, и постепенно начал Сэма воспринимать как отца. Больше десяти лет назад он дал мне первую работу, и с тех пор мы дружим. Пока Мадлен нет, кажется, мне предстоит за ним присматривать.

— Легко тебе говорить — никаких разговоров о работе, — говорит он, — а мне что делать, когда Мадлен начинает допытываться, что происходит?

— Скажи ей, что у Бена все под контролем, — отвечает Дэни.

— Рад, что хоть кто-то в меня верит.

В дверь нашего дома стучат.

— Я открою, — говорит Дэни, поднимаясь на ноги. Наш первый ребенок должен был родиться еще два дня

назад. Хотя мы оба одинаково и нервничаем, и радуемся, Дэни уже ждет не дождется появления малыша.

— Мне нужно размять спину, — добавляет она, пересекая кухню, а Сэм идет следом.

— А ты куда? — спрашиваю я его.

— Пошли, ты тоже, — отвечает он с озорным блеском в глазах. — Подозреваю, это может касаться вас обоих.

Дэни открывает входную дверь, и на пороге нас встречает водитель Мадлен, Влад. Сэм легонько толкает меня локтем в бок.

— Мадди сказала, что я могу пользоваться его услугами, когда захочу; иначе он бы целыми днями сидел дома, играл в “Марио карт” или таксовал в убере.

Влад заносит в прихожую новую блестящую медицинскую коляску. Потом снова выходит и возвращается уже с люлькой, автокреслом и даже рюкзаком в тон.

— Это от нас обоих, — говорит Сэм. — От меня и Мадлен. В основном, конечно, платила она, но, с другой стороны, ей и по карману.

Дэни обнимает Сэма и целует его в щеку.

— Это слишком щедро, но спасибо.

Когда тот отстраняется, я обнимаю его за плечи.

— Не стоило, правда, вам обоим, но обними от меня Мадлен.

Он отворачивается, проводя рукой по глазам.

— Это самое малое, что мы могли сделать. Без тебя ее бы сегодня здесь не было.

Я уношу коробки на кухню, а Сэм снова утыкается в телефон.

— Как думаешь, когда появятся комментарии?

— Я выложил статью всего пять минут назад.

— Каждый раз, когда я вижу Мадди, она говорит, что у нее больше тридцати миллионов читателей.

— Так и есть, но это не значит, что все они читают каждую статью в ту же секунду, как она выходит.

Плечи Сэма опускаются, и он убирает телефон в карман. Все эти тридцать лет он поддерживал связь с Умой. Я знаю, как много это для него значит.

— Скоро что-нибудь появится, — успокаиваю я его, — дай срок. Мы все хотим узнать, что случилось, но никаких гарантий нет. Вокруг полно сумасшедших конспирологов. Не исключено, что эта статья просто заставит их повылезать наружу.

Сэм медленно кивает.

— Главное, что мы попытаемся. Я должен это Уме. И Алаке.

Глава 2

Ума подставила лицо под яркое солнце, заливавшее небо над мостом Хадли. Впереди утренние гребцы несли лодки к воде по дорожке вдоль набережной, а от маленького пирса Хадли катера отвозили пассажиров по Темзе в лондонский Сити. Напротив огражденного воротами входа на пирс находилось кафе “Боутхаус”. Ума смотрела, как бариста протянул чашку дымящегося кофе и шоколадный маффин мужчине, стоявшему первым в очереди.

— Здоровый завтрак, — прокомментировала она, подойдя сзади и слегка коснувшись его руки.

— Ума! — Ее младший кузен Динеш обернулся и улыбнулся ей.

— Съешь таких слишком много — и девушки тебя разлюбят.

— У меня едва хватает времени, чтобы они вообще меня полюбили. Я работаю по четырнадцать часов в день.

Она рассмеялась.

— А ты что, думал, твой банк в Сити будет платить тебе бешеную зарплату и не потребует ее отбывать?